

Студенты из Средней Азии: Между Россией и Западом

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 317
Апрель 2014

Дуглас Блум
Провиденс-Колледж

Растущий уровень ксенофобии и снижение образовательных стандартов заставляют молодых людей из Средней Азии серьезно задумываться, прежде чем ехать учиться в Россию. В то же время (и отчасти поэтому) все более популярной становится перспектива обучения на Западе. Однако многих студентов, которые хотели бы посещать университет в Соединенных Штатах, отпугивают проблемы, ограничивающие такую возможность. Следовательно, сегодня есть благоприятная возможность содействовать доступу центральноазиатской молодежи в американские университеты. Соответствующие шаги способствовали бы передаче бесценных знаний и стимулировали бы создание международной сети для будущего сотрудничества, при этом одновременно оказывалось бы давление на Россию, чтобы та пошла на столь необходимые образовательные и социальные реформы.

Студенты из Центральной Азии в течение долгого времени стекались в российские университеты: и в советский, и постсоветский периоды. При любом подсчете сегодня по всей России по-прежнему много иностранных студентов (точные оценки варьируют от 130 до 160 тыс.). Согласно данным Росстата за 2011–2012 гг. (это самые свежие доступные данные), в числе иностранных студентов, зачисленных в российские вузы, было 28 300 казахстанцев (при этом неизвестно, сколько из них – этнические казаки), 10 700 студентов из Узбекистана, 9 900 из Туркменистана, 6 500 из Таджикистана и 2 800 из Кыргызстана. Однако представляется, что ситуация находится на пороге серьезных изменений.

В прошлом считалось, что российское высшее образование имело знак качества и обеспечивало гарантированное попадание на привилегированные позиции дома, а также в привилегированные структуры за рубежом. В последние

годы, однако, подобные устоявшиеся взгляды подвергаются серьезному сомнению, по мере того как центральноазиатские студенты сталкиваются со все большим количеством проблем на пути к получению российского университетского диплома. Среди этих проблем – ксенофобия, которая во многом направлена именно на выходцев из Средней Азии, а также снижающееся качество предлагаемого российскими образовательными учреждениями образования.

Что касается вопроса качества, российская педагогика – с ее традиционным упором скорее на дидактизм, чем на развитие независимого критического мышления – сегодня все чаще считается посредственной. В мировой рейтинг университетов *Times* на 2013–2014 гг., куда входят 400 образовательных учреждений (на основе таких критериев, как преподавание, исследовательская работа и оснащенность), включен только один российский университет – МГУ им. Ломоносова (в группе мест с 226 по 260). Кроме того, высоко ценимая прежде российская техническая компетентность сегодня в основном рассматривается как далеко не передовая. В результате всего этого, согласно последнему анализу, репутация многих некогда престижных российских университетов значительно снижается.

Другая серьезная проблема – ксенофобия – проявляется во многом: бытовой расизм, порой предвзятость преподавателей, зачастую – притеснение со стороны полиции. Чтобы понять социальный контекст, в рамках которого это происходит, нужно осознать, какое огромное влияние миграция оказывает на Россию в последние 20 лет. Согласно опубликованным оценкам, на данный момент в стране находятся около 13–14 млн мигрантов. Подавляющее большинство – это граждане постсоветских государств, чему способствует тот факт, что они могут легально въезжать в Россию без визы и оставаться там до трех месяцев. По оценкам ФМС России, из общего количества мигрантов в 13–14 млн около 2,5 млн прибыли из Узбекистана, более миллиона – из Таджикистана и 550 тыс. – из Кыргызстана. Многие эксперты считают эти цифры заниженными. Однако вне зависимости от чисел главный смысл ясен: мигранты из Средней Азии многочисленны, и этот факт виден на улицах основных российских городов.

Один из предсказуемых результатов – возмущение мигрантами по всему миру и чувство обиды на них, особенно если они рассматриваются как конкуренты в борьбе за дефицитные рабочие места. В российском случае этот фактор сочетается с многолетней подозрительностью к чужакам, недавно обострившейся тревогой по поводу терроризма и страхом потерять в ходе глобализации русскую культурную идентичность. В последние несколько лет отметился резкий рост расистских атак со стороны бритоголовых экстремистов – скинхедов. Но враждебное отношение доминирует и среди населения в целом. Это подтверждают данные опросов общественного мнения: в ходе финансируемого государством опроса, проведенного в июне 2013 г., 35% респондентов назвали иммиграцию главной угрозой национальной безопасности

России (на первом месте среди остальных факторов). Более того, когда в ходе недавнего опроса у россиян поинтересовались, как они относятся в гипернационалистическому слогану «Россия для русских», 20% высказали твердую поддержку, в то время как почти 70% выразили негативное отношение к другим этносам.

Разумеется, подобные мнения переносятся и в социальную среду, с которой сталкиваются иностранные студенты. Увы, нетерпимость существует не только среди студентов: есть множество заявлений о дискриминации и со стороны преподавателей. Не могут мигранты рассчитывать и на поддержку со стороны властей: масса жалоб была подана и на насильственные действия со стороны полиции. Это верно также и для приезжих студентов, так как полиция часто принимает студентов-мужчин за рабочих-мигрантов. К сожалению, шансов на улучшение ситуации в ближайшее время немного, поскольку ксенофобские настроения зачастую подогреваются политиками. Можно рассмотреть фигуру московского мэра Сергея Собянина, который в рамках своей кампании по переизбранию обвинил мигрантов в резком росте преступности и заявил: «Москва – российский город, и таким она должна оставаться. Не китайским, не таджикским и не узбекским. <...> Людям, которые плохо говорят по-русски, у которых совершенно другая культура, лучше жить в своей стране.»

Вывод таков, что идея поступления в университет в России кажется молодежи из Средней Азии все менее блестящей. Кроме того, негативные аспекты обучения в России подчеркиваются существованием альтернатив, самыми привлекательными из которых являются университеты, расположенные в Соединенных Штатах, Западной Европе и Турции. В действительности на первый план, как представляется, выдвигаются США и Европа, так как центральноазиатские власти (особенно в Узбекистане и Туркменистане) все больше озабочены радикальным исламом среди студентов, возвращающихся из стран мусульманского большинства, в том числе из Турции. В силу всех этих причин обучение в США все в большей мере становится основной опцией для амбициозных студентов из Средней Азии. Согласно данным Института международного образования (ИМО), с 2000 г. произошел значительный рост числа студентов из этого региона. Но фактические цифры остаются незначительными: данные ИМО показывают, что в 2012–2013 гг. в США учились 3 188 студентов из Центральной Азии, в том числе 1 969 из Казахстана, 445 из Узбекистана, 312 из Таджикистана, 261 из Кыргызстана и 178 из Туркменистана.

К сожалению, многим хорошо подготовленным молодым людям из Центральной Азии трудно реализовать свою мечту об учебе в американском университете. Одной из проблем являются визовые ограничения, которые излишне усложняют многим студентам возможность въехать в страну или оставаться в ней достаточно долго для того, чтобы добиться своих учебных и профессиональных целей. Иностранцам может быть отказано в визе на

основании предположения об их «двойном намерении» (когда лицо, подающее заявление на неиммиграционную визу, может намереваться иммигрировать в США; проще говоря, отказ в выдаче визы может быть обоснован опасением того, что студент не вернется на родину). Серьезные осложнения могут вызывать и проверки благонадежности среди студентов из мусульманских стран.

Другое препятствие (зачастую непреодолимое) – финансовая стесненность. Среднеазиатские государства предоставляют некоторое финансирование, но конкуренция очень высока, а побеждают нередко люди со «связями». Это, в свою очередь, означает, что многие подходящие кандидаты зависят от помощи извне, но зачастую она не достаточна как из-за сокращения правительственных программ США, так и из-за того, что собственные ресурсы университетов часто ограничены. Финансируемые государством программы Фулбрайта и Маски предлагают лишь небольшое количество стипендий, причем все они рассчитаны на постдипломное обучение. Международная программа студенческого обмена (*Global UGRAD*) доступна очень малому числу студентов (примерно 125 студентам из Центральной Азии ежегодно). Многие колледжи и университеты предлагают собственные стипендии или служат проводниками для помощи иных доноров. Однако повышение шансов на получение такого гранта требует подачи множества заявок, что логистически сложно, при этом подавать заявления в несколько колледжей дорого само по себе.

Дополнительное препятствие для потенциальных заявителей – недостаток информации о доступных вариантах. Существует множество частных спонсоров, например Фонд Ага-хана или Фонд международного развития ОПЕК (для работы над дипломом), но большинство из них малоизвестны, и было бы нереалистично ожидать, что заявители из Центральной Азии узнают о них самостоятельно. В крупных городах было открыто несколько образовательных ресурсных центров (включая консультационные центры «Образование в США»), однако они мало используются и в любом случае доступны только незначительному меньшинству городских жителей. Не достаточно и печатных справочников. Госдепартамент США спонсирует сайт «Образование в США», но тот попросту агрегирует множество возможностей для получения финансовой помощи – зачастую ставящих в тупик и крайне специфических. Также ИМО издает справочник «Финансирование образования в США – 2014», который продается онлайн за \$39,95, но он страдает той же сбивающей с толку запутанностью и доступен только в печатной версии.

В силу этих препятствий Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан предприняли шаги по развитию «интернационализованного образования» в собственных странах – как привлекая иностранных специалистов, так и обеспечивая особую поддержку избранным высшим школам (Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования в Алматы, Американский университет Центральной Азии в Бишкеке и Международная школа бизнеса в

Ташкенте). Эти шаги частично финансируются американским Фондом образования в Центральной Азии, и, разумеется, это лучше, чем ничего. Но остаются две важные проблемы: качество образования скорее уступает тому, что доступно в американских образовательных учреждениях, а социокультурный опыт далеко не дотягивает до того, который можно приобрести в США.

Для правительства США сложившаяся ситуация создает отличную возможность предложить студентам из Центральной Азии значительно большее и более доступное финансирование. Выгода от такого шага будет многоплановой. Во-первых, это стимулировало бы взаимовыгодные экономические связи, а также иные формы транснациональных сетевых связей. В свою очередь, это сильно способствовало бы интеграции этих стран в глобальную экономику, в том числе диверсификации их экономик и снижению зависимости от природных ресурсов. Подобное рассуждение представляется разумно обоснованным, если учесть, что возвращающиеся в свои страны иностранные выпускники занимают ведущие позиции в разных областях.

Во-вторых, это принесло бы значительную культурную прибыль, поскольку студентов, посещающих университеты в США, как правило, привлекают ключевые американские ценности и институты, включая демократию, верховенство закона и социальное равенство. Подобный транзит ценностей не только подтолкнет культурные и институциональные изменения в Средней Азии в желательном направлении, но и улучшит там имидж Соединенных Штатов.

В-третьих, это усилит давление на российские власти в контексте борьбы с ксенофобией и продвижения более высоких образовательных стандартов. Уже сегодня есть четкие знаки того, что российское правительство начало пытаться (заново) привлечь иностранных студентов, но пока речь идет в основном о более высоком уровне финансирования – что едва ли окажет заметный эффект на решение коренных проблем.

Четвертая выгода имеет отношение к геополитическим возможностям, специфическим для отношений США и стран Центральной Азии. Все среднеазиатские государства, каждое по-своему, реагируя на давление со стороны России и Китая, пытаются достичь баланса во внешней политике, что означает, в частности, открытие Западу (по крайней мере в некоторой степени), однако эта возможность ограничена, в основном удаленностью. Озабоченность стран Центральной Азии актуализирована событиями в Украине – в результате местные элиты отлично осознают желательность сокращения зависимости от России. Следовательно, настало время обеспечить широкий путь к политической диверсификации, в том числе в области образования, через выстраивание социальных сетевых и перспективных экономических связей.

Наконец, представляются немногочисленными и, более того, довольно легко контролируемые недостатки, которых можно ожидать в связи с запуском подобной инициативы. Расширение доступности стипендий – это, разумеется,

стратегические инвестиции. При этом даже скромное повышение расходов с нынешнего уровня (0,8% от финансирования, полученного всеми иностранными студентами в 2012–2013 гг.) может иметь огромный эффект. Кроме того, более упрощенным должен быть процесс подачи заявления на визу и следовало бы отменить 200-долларовый сбор *SEVIS*. Стоимость этих шагов, а также мониторинга получателей стипендий нельзя не принимать в расчет, однако ее значительно превзойдет прибыль.

В целом же молодежь из Центральной Азии, как представляется, приближается к поворотному пункту относительно готовности и возможности получать высшее образование за рубежом. В высшей мере соответствует интересам каждого поддерживать их в посещении университетов в США. Несмотря на текущие бюджетные ограничения, расширение масштаба финансируемых государством грантов и упрощение процесса их получения значительно способствовали бы росту приема студентов из Центральной Азии, что принесло бы многочисленные экономические, культурные и политические выгоды.

Опубликовано также

Дуглас Блум. «Может ли Россия конкурировать с Западом за азиатских студентов?»
Slon

http://slon.ru/russia/mozhet_li_rossiya_konkurirovat_s_zapadom_za_aziatskikh_studentsov-1111860.xhtml

Дуглас Блум. «Может ли Россия конкурировать с Западом за азиатских студентов?»
Эхо Москвы

<http://www.echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1338622-echo/>

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org